

УДК 811.111'42

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ КОНЦЕПТОВ “CONFLICT” И “FIRE”
И ЕЕ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Е. Н. Ермолаева, Н. С. Соколова

**METAPHORICAL CORRELATION BETWEEN CONCEPTS “CONFLICT” AND “FIRE”
AND ITS REPRESENTATION IN MODERN ENGLISH PHRASEOLOGY**

E. N. Ermolaeva, N. S. Sokolova

В статье освещается проблема метафорической концептуализации действительности, основанной на ассоциативном соотношении абстрактных и базовых (конкретных) концептов. Метафора рассматривается как когнитивный механизм, структура, соединяющая ментальные репрезентации с чувственной и опытной основой, в формировании которой существенную роль играет культурная среда. Иллюстративным примером выступает метафорическая корреляция концептов “CONFLICT” и “FIRE”, исследуемая на материале современной английской фразеологии.

The article focuses on the issue of metaphorical conceptualization of reality based on the associative correlation between abstract and basic (concrete) concepts. Metaphor is considered as a cognitive mechanism, a structure relating mental representations to perceptual and experiential ground which is influenced by the cultural environment. The metaphorical correlation between the concepts “CONFLICT” and “FIRE”, analyzed through contemporary English phraseological units, serves as an example of the stated theory.

Ключевые слова: концепт, метафора, когнитивная модель, фразеологическая единица, фреймовый анализ.

Keywords: concept, metaphor, cognitive model, phraseological unit, frame analysis.

Комплексное лингвистическое описание содержательных сущностей, определяющих бытие человека и всего общества, базируется на исследовании концептов, инкорпорирующих наивно-языковые представления о данных бытийных сущностях в сознании носителей языка (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. П. Бабушкин, А. Н. Баранов, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, Д. О. Добровольский, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Д. С. Лихачев, Ю. М. Малинович, В. И. Поставалова, Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. Н. Телия и др.). Такой вектор исследования возможен лишь при обращении к основным установкам когнитивной науки, центральным объектом которой является когнитивная деятельность человека, понимаемая как «адаптивная и регулятивная деятельность по переработке информации, осуществляемая человеком» [5, с. 8].

В рамках когнитивной науки особое место занимает когнитивная лингвистика, поскольку язык является главной составляющей когнитивной деятельности человека, сводя воедино и обобщая всю информацию, поступающую по другим каналам: через зрение, слух, осязание, обоняние и т. п. [2, с. 27]. Разнообразная информация, приобретаемая человеком в процессе когнитивной деятельности, запечатлевается прежде всего в значениях лексических единиц естественного языка. В таком случае возникает закономерный вопрос о том, каким образом носители языка удерживают в памяти огромное множество нетождественных друг другу единиц, характеризующихся индивидуальным звучанием и значением. В формате когнитивной лингвистики предлагается основополагающее решение этой проблемы: в мозгу (психике) человека знания упорядочены и четко структурированы. За значениями слов стоят тесно связанные с ними когнитивные структуры, т. е. определенным образом организованные участки когнитивного пространства

человека, формируемого всей совокупностью знаний и представлений индивида [5; 7].

Структурирование знаний происходит в процессе концептуализации, заключающемся в осмыслении поступающей информации и приводящем к образованию содержательных единиц сознания, отражающих опыт человека, которые получают название концептов [7, с. 93]. Концепты как непосредственные результаты процесса концептуализации соотносятся с рядом взаимосвязанных концептов в процессе категоризации. Определенный концепт, таким образом, занимает некоторую ячейку в сознании человека. При этом категоризация сопровождается фиксацией выделяемых признаков, свойств и отношений языковыми средствами [10, с. 39 – 41].

Концепты со сложной, неоднозначной структурой, отражающие в сознании человека некие философские, психологические, социальные категории большей или меньшей степени абстрактности, зачастую подвергаются метафоризации, позволяющей сделать абстрактное легче воспринимаемым. По утверждению ряда исследователей, сама концептуальная система человека, в терминах которой он мыслит и действует, фундаментально метафорична по своей природе: в сознании человека существуют глубинные структурные отношения между группами концептов, позволяющие структурировать одни концепты (более абстрактные) в терминах других (более конкретных) и предопределяющие тем самым всепроникающий характер метафоры в языке и речи [9, с. 358 – 386; 11]. В рамках такого подхода метафора рассматривается как мощный механизм концептуализации действительности, «могущественный инструмент мышления» [11, с. 291]. Метафора предстает не только как способ экспликации концептов посредством языка, стилистический прием, троп или фигура речи, но, в более широком смысле, как способ осмысления окружающего мира, когнитивный механизм, заключающийся в ви-

дении одного объекта через другой, доступ к исследованию которого обеспечивает язык. Основатель когнитивной теории метафоры Дж. Лакофф называет вышеизложенный когнитивный механизм концептуальной метафорой, понимая ее как схему, унифицированную когнитивную структуру, соединяющую ментальные репрезентации с чувственной и опытной основой, в формировании которой существенную роль играют предшествующий опыт человека и культурная среда, в которой он живет [14].

Для именованного механизма перехода от одной концептуальной области к другой Дж. Лакофф использует термин «концептуальное картирование» (conceptual mapping) сферы-источника, или области-донора (source domain), на сферу-мишень, или область-реципиент (target domain)» [15, с. 203]. Внешней (материальной) реализацией картирования одной концептуальной области на другую являются разнообразные метафорические выражения (слова, фразы или целые предложения). Важным моментом при этом является утверждение о том, что связь между концептуальной метафорой и порожденными ею метафорическими выражениями не случайна. Каждый пример концептуального картирования представляет собой четко структурированный набор онтологических соответствий между конститuentами сферы-источника и сферы-мишени, актуализирующихся в метафорических выражениях.

Наиболее яркими метафорическими выражениями, объективирующими концептуальные метафоры в языке, являются фразеологические единицы, поскольку для них «в большинстве случаев характерно наличие более или менее живой внутренней формы» [4, с. 71]. По своей сути фразеологические единицы (далее ФЕ) – это «микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные в фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте» [12, с. 8]. Как следствие, интерпретация фразеологических единиц дает новые возможности для выявления особенностей концептуализации объектов внеязыковой действительности наивно-языковым сознанием, а сам фразеологический состав языка и система образов, закрепленных в нем, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения: он – «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [12, с. 9].

Выявление когнитивных моделей, задействованных в формировании значения фразеологических единиц, возможно посредством комплекса процедур над концептуальными структурами, в которых аккумулируется знание человека о мире. При этом происходит актуализация тех или иных имплицитных структур значения, входящих в базовый фрейм или сценарий, стоящий за лексической единицей.

Иллюстративным материалом для демонстрации вышеизложенного служит метафорическая корреляция между концептами “CONFLICT” и “FIRE”, выявленная в результате анализа фразеологических единиц, отсылающих к ситуации конфликта. Исследование прово-

дилось по методике выявления концептуальных преобразований, участвующих в процессе семантической деривации фразеологического значения, предложенной А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским. Типология элементарных преобразований над слотами и их содержанием включает: замену содержания слота на нехарактерное или даже в некотором смысле противоположное; введение нехарактерного слота со свойственным ему содержанием (прежде слот данного типа отсутствовал); перенесение концептуального содержания слота одного фрейма в другой; интеграцию концептуального содержания слота исходного фрейма в одноименный слот результирующего фрейма; элиминацию слота или подслота; свертывание фрейма в один слот / подслот [1, с. 9].

Подобные элементарные преобразования над концептуальными структурами в процессе семантической деривации приводят, в свою очередь, к более сложным преобразованиям, в результате которых происходит модификация фреймов и их структур [1, с. 9]. Пригодность фреймового анализа при описании фразеологического материала обусловлена тем, что фреймы (сценарии) позволяют представить как «поверхностную», так и «глубинную» структуру отдельных фразеологизмов в рамках единой схемы, допускающей гибкое описание системных связей внутри фразеологического фонда. Из исходного для них сочетания слов ФЕ, как правило, «переносят» более чем один признак, поскольку уже само исходное для них сочетание полипризнаково. В дальнейшем это сочетание в процессе переосмысления включается в полупризнаковый классификационный или акциональный фрейм, который уже заполнен подробностями [12, с. 85].

Анализ концептуальных преобразований в пределах одной ФЕ позволяет наглядно представить процессы, происходящие в ходе метафорического проектирования концептуальной информации. Каждое проектирование в таком случае рассматривается как фиксированный образец онтологических соответствий в тех областях, которые могут применяться к структуре знания области-источника или лексической единице области-цели. При этом «роль когнитивных следов исходного смысла в плане содержания идиомы может быть различной и зависит от степени ее семантической прозрачности» [4, с. 74].

Фразеологические единицы, реализующие концептуальную метафору *CONFLICT IS FIRE*, включают: *burst into flames, strike fire, blow the fire, build a fire under smb., pour oil on the fire (flames), put (throw) the fat in the fire, fan the embers (flame), add fuel to the fire (flames), fight/drive out fire with fire, heap coals of fire on one's head* и т. д.

Конвенциональная метафора *CONFLICT IS FIRE* основана на чувственном опыте индивида, его мировосприятии, имплицитно наличие у конфликта разрушительных свойств, присущих огню, пожару. В основе данной ассоциации лежит и аналогия внезапности и стремительности возникновения и развития конфликта, так же, как и огня – пожара (Сравните: *рус.* Конфликт *вспыхнул / разгорелся.* Ссора *вспыхнула.* Война *разгорелась*).

Огонь, как известно, входит в число «универсальных элементов человеческого опыта» наряду с такими понятиями, как «день», «ночь», «солнце», «растительный мир», «небо», «земля» и т. д. Он «одновременно культурно и зрительно существен и экзистенциально значим» для человека [3, с. 265]. Это позволяет отнести огонь к числу базовых когнитивных категорий, чье «содержание не зависит от того, на каком языке говорит человек, а определяется теми когнитивными факторами, на которых строится вся познавательная деятельность человека» [6, с. 21]. Подобные фундаментальные человеческие концепты являются врожденными, полная их реализация «зависит от языка как орудия культуры» [13, с. 195].

Как конфликтная ситуация, так и процесс горения огня преодолевают общие стадии своего развития: начальную, промежуточную и конечную. Развязка конфликта, его инициирование определенным образом соотносятся в сознании индивида с началом возгорания, разведением огня; эскалация и кульминация конфликта ассоциируются с активным разгоранием огня и пожаром; разрешение конфликтной ситуации соотносится с затуханием огня, тушением пожара. Соответственно данная метафора разложима на следующие метафорические пропозиции: *STARTING A CONFLICT IS MAKING A FIRE*; *DEVELOPING A CONFLICT IS KEEPING UP THE FIRE*; *ENDING A CONFLICT IS PUTTING OUT A FIRE*.

Метафорическая модель *STARTING A CONFLICT IS MAKING A FIRE* систематизирует такие ФЕ, как: *blow the coals (the fire)*, *build a fire under smb.*, *burst into flames*, *strike fire*. Исходным сценарием представленных ФЕ выступает сценарий «разведение огня», результирующим – «развязка конфликта».

В исходном сценарии ФЕ *blow the coals (the fire)* слот «способ» заполнен соответствующим содержанием – «раздувание». Терминальное наполнение этого слота проецируется в одноименный слот итогового сценария. При этом содержание слота «побочный эффект» (шум) остается прежним. Отсюда *blow the coals (the fire)* – «поднимать шум вокруг какого-либо дела, поступка; разжигать страсти» [8].

Аналогичные концептуальные преобразования объясняют возникновение актуального значения ФЕ *strike fire*. В исходном сценарии рассматриваемой ФЕ слот «способ» имеет терминальное наполнение «высечение, раздражение». Данное концептуальное содержание переносится в одноименный слот результирующего сценария. Концептуальное наполнение остальных слотов, в свою очередь, также подлежит модификации: 1) «твердый камень (например, кремьнь)» (объект воздействия) меняется на «человек»; 2) «искра» (результат) – на «раздражение». В результате ФЕ *strike fire* приобретает значение «вызвать резкую реакцию; задеть за живое» [8]. Схожий набор концептуальных признаков имеет и ФЕ *burst into flames*.

В ФЕ *build / start / light / set a fire under smb.* – ‘urge or force (a slow or unwilling person) to action’; ‘get (someone) moving; arouse’; ‘stimulate to vigorous action’ [17] («заставить кого-л. действовать, оказать нажим на кого-л.»[8]), исходный сценарий выдвигает на первый план слот «цель», заполненный концептуальным

содержанием «вызвать реакцию, побудить к действию». Содержание этого слота картируется в одноименный слот результирующего сценария.

Метафорическая пропозиция *DEVELOPING A CONFLICT IS KEEPING UP THE FIRE* мотивирует появление актуального значения ФЕ *add fuel to the fire (flames)*, *pour oil on the fire (flames)*, *put (throw) the fat in the fire*, *fan the embers (flame)* и т. д., предопределяя результирующий сценарий – «развитие конфликтной ситуации».

Исходный сценарий ФЕ *add fuel to the fire (flames)* включает слот «цель» с терминальным наполнением «не дать прекратиться, стимулировать» (ср.: ‘make the fire increase or become stronger’; ‘stimulate’ [17]). Содержание этого слота переносится в одноименный слот результирующего сценария. В итоге, *add fuel to the fire (flames)* приобретает значение ‘make an argument or disagreement worse’ [17], то есть, «обострять конфликтные отношения, усугублять какие-либо чувства». Например, *Rather than providing a solution their statements merely added fuel to the fire* [17].

Схожие концептуальные преобразования обусловили возникновение актуального значения синонимичных ФЕ *pour oil on the fire (flames)* и *put (throw) the fat in the fire*. В данном случае при сохранении концептуального содержания слота «цель» происходит изменение наполнения слота «субстанция (используемая для поддержания огня)» – вместо “fuel” – “oil”, “fat”. Например, *If it hadn't been for him nothing would have happened. He poured oil on the flame* [17].

В исходном сценарии фразеологической единицы *fan the embers (flame)* содержится слот «цель» с концептуальным наполнением «усилить горение огня» (ср.: ‘make a fire burn more strongly’ [17]). Содержание данного слота переносится в одноименный слот результирующего сценария. В итоге, ФЕ *fan the embers (flame)* приобретает значение «обострять конфликтные отношения», «подлить масло в огонь». Например, *The most recent events have shown that the least spark attracts many who are prepared to fan the embers* [17].

Метафорическая модель *ENDING A CONFLICT IS PUTTING OUT A FIRE* определяет результирующий сценарий ФЕ *drive out fire with fire*, *fight fire with fire*, *heap coals of fire on one's head* – «регулирование конфликтной ситуации». Источниковым сценарием при этом выступает «тушение огня».

В основе ФЕ *fight fire with fire* лежит типовое событие, связанное с тушением огня, превратившегося в природную стихию. Одним из способов тушения пожаров является разведение встречного огня, поскольку выгорание кислорода служит естественной преградой для пожара и приводит к его прекращению. Данная экстралингвистическая информация позволяет более четко представить концептуальные преобразования, происходящие в пределах рассматриваемой фразеологической единицы, в исходном сценарии которой возможно выделение слота «способ», заполненного концептуальным содержанием «борьба теми же средствами». Указанная информация переносится в одноименный слот итогового сценария. Как результат, *fight fire with fire* приобретает значение ‘fight back in the same way one was attacked’ [16], ‘use the same methods as your opponents in an argument, competition

etc.' [17], 'respond to an attack by using a similar method as one's attacker' [18] – «бороться с противником его же средствами, его же оружием; противостоять атаке, держать удар» [8]. Сравните с русским фразеологизмом *клин клином вышибают*.

ФЕ *fight fire with fire* пересекается в смысловом отношении с близкой ей по значению ФЕ *drive out fire with fire*, исходный сценарий которой позволяет выделить практически идентичный набор концептуальных элементов.

В исходном сценарии ФЕ *heap coals of fire on one's head* выделяется локальный слот, имеющий нехарактерное наполнение – «голова» / "head", что приводит к дисфункции исходного сценария и позволяет сделать вывод: *heap coals of fire on one's head* – «решать конфликтную ситуацию нестандартным образом». В дальнейшем это значение специфицируется в актуальное значение 'be kind to someone who has done wrong to you, so that he is ashamed' [16], то есть «вызвать чувство стыда у человека, причинившего неприятность; показать пример хорошего отношения, усмирить обидчика добрым делом по отношению к нему» [8].

Литература

1. Баранов, А. Н. Концептуальная модель значения идиомы / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Когнитивные аспекты лексики / сб. науч. тр.; [редкол. Е. В. Розен и др.]. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1991.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – 123 с.
3. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание [пер. с англ.] / А. Вежицкая; отв. ред. М. А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
4. Добровольский, Д. О. Образная составляющая в семантике идиом / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1.
5. Касевич, В. Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность / В. Б. Касевич // Язык и когнитивная деятельность. – М.: Наука, 1989.
6. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2004. – 206 с.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
8. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
9. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры: сборник статей; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990.
10. Манерко, Л. А. Новая методика исследования категоризации в лингвистике / Л. А. Манерко // Вестник Моск. ун-та. Серия 9, Филология. – 2000. – № 2.
11. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка / сост., ред. и вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988.
12. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
13. Хахалова, С. А. Концептосфера личностной пристрастности: метафора / С. А. Хахалова // Антропологическая лингвистика. Концепты. Категории: коллективная монография / под ред. Ю. М. Малиновича. – М.; Иркутск: ИГЛУ, 2003.
14. Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
15. Lakoff, G. *The Contemporary Theory of Metaphor* / G. Lakoff // *Metaphor and Thought*; edited by Andrew Ortony. – 2nd edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
16. Seidl, J. *English Idioms and How to Use Them* / J. Seidl, W. McMordie; предисл. Э. М. Медниковой. – М.: Высшая школа, 1983. – VI. – 266 с.
17. *Longman Dictionary of Contemporary English*; ed. by D. Summers; new ed. – Harlow: Pearson Education Ltd., 2003. – XVII. – 1950 p.
18. Webster's Third New International Dictionary of the English Language: In 3 Vol. – Chicago; London; Paris: Encyclopædia Britannica, 1993. – 3136 p.

Таким образом, метафора представляет собой коллективную двойную категоризацию, основанную на психологической реальности прототипных моделей. Образование метафорического значения происходит на основе сходства чувственно воспринимаемых и очевидных свойств денотатов, относящихся к различным концептуальным областям, а также в результате актуализации выделенных путем переосмысления ассоциативных связей, служащих своего рода «мостиком» между отдаленными и столь несходными областями источника и цели. Выделение лежащего в плоскости когнитивного пересечения этих областей признака, выступающего в качестве логической связки между ними, происходит благодаря абстрагирующей деятельности сознания и представляет собой когнитивную по своей природе операцию. Этот признак отражает наиболее релевантные характеристики обозначаемого, объективируемые в сознании индивида на основании имеющегося в его памяти запаса знаний и представлений об этом обозначаемом.

Информация об авторах:

Ермолаева Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 89059600129, enermolaeva@yandex.ru.

Ermolaeva Elena Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department English Philology № 2 of KemSU.

Соколова Надежда Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8(3842) 66-01-37, sokolova-rgf@yandex.ru.

Sokolova Nadezhda Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department English Philology № 2 of KemSU.